

Цифровое поколение: потери и приобретения

В. С. Третьякова¹, Н. Г. Церковникова¹

¹Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Третьякова Вера Степановна — доктор филологических наук, профессор кафедры психологии образования и профессионального развития Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID 0000-0002-8443-1478, e-mail: tretyakova1738@gmail.com

Церковникова Наталья Геннадьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры профессиональной педагогики и психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID 0000-0001-6916-4589, e-mail: ppp_ts@mail.ru

Аннотация

Глобальный переход к виртуальной экономике и интенсивно развивающиеся цифровые технологии оказывают активное влияние на становление личности представителей поколения Z (сетевое, iGen, next поколения). В условиях пандемии произошли серьезные трансформации в образовании, что не могло не усилить воздействия цифровых технологий на сознание и поведение молодежи. В статье рассматриваются основные сферы личности современного молодого человека — коммуникативная, познавательная, эмоционально-волевая, мотивационно-потребностная, ценностно-смысловая, — формирующие стиль жизни, несвойственный предшествовавшей индустриальной цивилизации. Молодежь, в отличие от старших поколений, обладает гибкостью мышления и мобильностью, умеет работать в условиях многозадачности и медиамногозадачности, быстро воспринимает информацию, мгновенно переключается с одного дела на другое. Вместе с тем выявленные личностные и поведенческие особенности современного поколения показали, что его представители отчуждены от реального социума, имеют трудности с общением, испытывают субъективную зависимость от «цифры», что приводит к недостатку когнитивного контроля, инфантилизму, отсутствию глубоких межличностных отношений. Цель статьи: рассмотрение личностных особенностей цифрового поколения. Задачи: выявление его поведенческих реакций, оценка последствий влияния информационных технологий на подрастающее поколение, выработка предложений по решению проблем, возникающих в сфере коммуникаций и профессионального становления. Исследование осуществлялось посредством качественно-феноменологического метода, дополненного теоретико-методологическим анализом научной литературы, синтезом, конкретизацией, сравнением и обобщением. В результате были выработаны новые идеи и подходы, которые помогают молодежи развиваться в современной среде. Знание специфики цифровой социализации личности, особенностей представителей поколения Z позволяет соразмерно использовать полученные знания в образовательном процессе, содействовать в профессиональном самоопределении студентов.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровое поколение, поколение Z, медиамногозадачность, профессиональное самоопределение, образовательные технологии

Финансирование

Публикуется при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-413-660013 р_а «Прогнозирование профессионального будущего студенческой молодежи в цифровую эпоху»

Для цитирования: Третьякова В. С., Церковникова Н. Г. Цифровое поколение: потери и приобретения // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 2. С. 53–65. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.45.2.004>

© Третьякова В. С.,
Церковникова Н. Г.

Digital generation: losses and gains

V. S. Tretyakova¹, N. G. Tserkovnikova¹

¹Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Vera Tretyakova — Doctor of Sciences in Philology, Professor of the Department of Educational Psychology and Professional Development of Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID 0000-0002-8443-1478, e-mail: tretyakova1738@gmail.com

Natalya Tserkovnikova — Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor of Department of Professional Pedagogy and Psychology of Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID 0000-0001-6916-4589, e-mail: ppp_ts@mail.ru

Abstract

The global transition to the digital economy and digital society, intensively developing digital technologies, has an active influence on forming the digital generation's personality (generation Z, network generation, iGen generation, next-generation). In the context of the pandemic, severe education transformations have taken place. It could not but affect the even more significant impact of digital technologies on the consciousness and behaviour of the modern generation. The article presents its features in the unity of the main spheres of personality — communicative, cognitive, emotional-volitional, motivational-need, value-semantic, influencing the lifestyle that is not peculiar to the preceding industrial civilization. Modern teenagers and young people have specific resources: mobility, multitasking, the flexibility of thinking, high speed of information perception, intellectual potential, activity, etc. At the same time, the identified personal and behavioural characteristics of the modern generation have shown that its representatives are in a state of estrangement from the real society, have difficulties in communication, experience emotional dependence on "numbers", which leads to a lack of cognitive control, infantilism in real life, lack of deep interpersonal relationships. Purpose of the article: Considering the features of the digital generation in the unity of the main spheres of personality. Tasks: identification of personal and behavioural features of the digital generation; assessment of the consequences of the impact of information technology on the younger generation; development of suggestions for solving problems of communications and professional formation. The study of the phenomenological features of the representatives of the digital generation was carried out using a qualitative and phenomenological method, supplemented by a theoretical and methodological analysis of scientific literature, synthesis, concretization, comparison and generalization. New ideas and methods that affect the development of young people, taking into account the environment in which they are formed, based on the accumulation and analysis of information, have been developed. Knowledge of the specifics of digital socialization of an individual, the characteristics of representatives of generation Z will allow finding new landmarks in development, proportionately using them for educational purposes, and promoting professional self-determination.

Keywords: digital technologies, digital generation, generation Z, psychological characteristics, media multitasking, professional self-determination, educational technologies

Funding

Published with the financial support of the RFBR grant No. 20-413-660013 r_a "Forecasting the professional future of students in the digital age"

For citation: Tretyakova, V. S., & Tserkovnikova, N. G. (2021). Digital generation: losses and gains. *Vocational Education and Labour Market*, 2, 53–65. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.45.2.004>

Введение

В последнее время исследователи чаще всего обращаются к так называемой теории поколений, предложенной американскими историками Н. Хоувом и У. Штраусом в 1991 году. В ее основу легли ценностные ориентации людей, сформированные в определенном социально-культурном контексте (Strauss, Howe, 1992). Согласно их теории, выделяются повторяющиеся временные циклы протяженностью в 80 лет. Они состоят

из четырех периодов (поколений): кризиса, подъема, пробуждения и спада. Таким образом, каждый период продолжается примерно 20 лет и характеризуется наличием общих черт, системы ценностей, поведенческих паттернов у представителей поколения. Ученые определяют последние как «специфические группы людей, рожденных в определенные периоды времени, в зависимости от доминирующих социальных и исторических процессов и соответствующих им архетипов, задающих нормы и социальные идеалы» (Солдатова, Рассказова, 2016, с. 45). Следуя этой логике, наших родителей следует отнести к поколению беби-бумеров (1943–1963 года рождения), поколение X (неизвестное поколение) появилось в 1963–1983 годах, поколение Y (миллениумы) — в 1983–2003-м и, наконец, поколение Z — это люди, рожденные в XXI столетии (начиная с 2003 года).

В научной литературе встречаются некоторые вариации диапазона дат и возраста для определения названия того или иного поколения, выделяют в отдельные группы тех людей, которые родились на границе разных периодов.

Исследователи Г. У. Солдатова и Е. И. Рассказова считают, что применение данной теории в психологии достаточно условно, поскольку она создана на основе американских культурно-исторических особенностей и вряд ли может быть использована другими культурами (Солдатова, Рассказова, 2016). Тем не менее предпринимаются попытки интерпретировать теорию Н. Хоува и У. Штрауса применительно к специфике нашей страны, ориентируясь не только на исторические и социальные процессы, но и на психологические факторы. Так, в России особенные условия повлияли на потерянное (1900–1923) и молчаливое поколение (1923–1943). Впервые выражение «потерянное поколение» использовал Э. Хемингуэй в 1926 году в своем романе «И восходит солнце»: так называли молодых людей, которые воевали в Первую мировую войну и не смогли затем адаптироваться к жизни, разочаровавшись в настоящем и утратив веру в будущее.

Кроме войны на систему ценностей русского потерянного поколения оказали влияние две революции, Гражданская война, НЭП, коллективизация, индустриализация. «Молчаливое поколение» получило свое название в связи с тем, что его представители никому не доверяли, так как жили в системе строгой цензуры и доносов. На характере представителей этого поколения сказались сталинские репрессии, голод, лишения и война. Таким образом, ключевыми приметами того или иного поколения являются система ценностей, формы поведения, различия в которых определяют трудности взаимопонимания между представителями разных поколений. Эта проблема относится к вечным проблемам, достаточно вспомнить произведение И. С. Тургенева «Отцы и дети», в котором межличностный конфликт поколений ставится особенно остро.

Проблема исследования заключается в ответе на вопросы: как влияет цифровая среда и цифровой образ жизни на личность и как преодолеть негативные последствия стремительного распространения цифрового пространства на подрастающее поколение? Важно рассмотреть повседневное существование современного российского поколения, так называемого цифрового поколения или поколения Z (сетевое поколение,

поколения iGen, поколения next), поскольку между теми, кто рожден в 1990-е, и теми, кто родился в 2000-е, — огромный разрыв: иные мировоззрение, убеждения, ценности.

В научных и публицистических источниках феномен цифрового поколения рассматривается достаточно широко, но пандемия поставила нас в новые условия эксперимента, и мы вновь и вновь задумываемся над определенной мерой влияния «цифры», информационного поля на личность, ее поведение, принятие решений, чтобы из помощника «цифра» не превратилась в манипулятора сознанием. Неоднозначность мнений и не всегда точно определяемая позиция авторов многочисленных публикаций свидетельствуют о необходимости исследования мировоззрения, убеждений, ценностей и шаблонов поведения современного российского поколения с социально-психологической позиции. В связи с этим следует рассматривать особенности цифрового поколения с учетом основных сфер личности, оказывающих влияние на стиль жизни, несвойственный предшествовавшей индустриальной цивилизации.

Особенности коммуникативной сферы представителей цифрового поколения

Психолого-педагогические особенности представителей цифрового поколения раскрываются прежде всего в их онлайн- и офлайн-коммуникации. Традиционная непосредственная система общения преобразовывается в онлайн-коммуникацию, обеспечивая, с одной стороны, безопасный формат взаимодействия, но, с другой стороны, изменяя средства, содержание общения и саму личность. Особенности восприятия другого человека (перцептивная сторона общения) при онлайн-коммуникации стали предметом исследования в психологии (Рассказова, 2012; Солдатова, 2018). Авторы акцентируют внимание на особенностях содержания общения, изменении восприятия личности в контексте межличностной онлайн-коммуникации: «...другой человек не настолько очевидно „живой“ и переживающий, если речь идет о цифровом мире, что позволяет отнестись к нему с меньшей ответственностью» (Солдатова, 2018, с. 378).

Онлайн-коммуникация зачастую приводит к агрессивному поведению, буллингу, кибербуллингу (англ. bullying, от bully — хулиган, грубиян, насильник): представителям цифрового поколения (поколения Z) кажется, что им позволительно оскорблять другого человека или группу людей, «задевать за живое», надеясь на безнаказанность. Проблема травли, издевательств, насилия, агрессивного поведения подростков является предметом исследований во всем мире. Так, L. Arseneault пишет о негативных последствиях для психики и поведения подростков, которые испытывают постоянные издевательств (Arseneault, 2018). Хроническая виктимизация как индивидуальное свойство конкретного подростка определяет вероятность стать жертвой издевательств. M. Ybarra, D. Espelage, A. Valido, J. Hong и T. Prescott рассматривают проблему школьных издевательств с позиции молодых людей, которые рассказали о запугивании в школе и о положительной роли значимого взрослого — учителя, родителя, друга — в разрешении этой проблемы («дедовщины»,

как они ее называют). Авторы отмечают, что представления самой молодежи могли бы помочь в разработке или совершенствовании будущих программ профилактики издевательств (Ybarra, Espelage, Valido и др., 2019).

Запугивание и издевательства — серьезная проблема для школы и семьи. В детстве их испытали многие дети, и это чревато потерей здоровья. Недопустимые социальные отношения, в частности в семье, негативно влияют как на «жертв», так и на «хулиганов». D. Wolke, W. Copeland, A. Angold и J. Costello экспериментальным путем доказали связь между длительностью издевательств и неблагоприятными изменениями в детской психике. Они ставят вопрос о том, проявляются ли эти последствия во взрослой жизни, и приходят к выводу, что запугивание в детском возрасте «бросает длинную тень на жизнь пострадавших людей. Вмешательства в детском возрасте, вероятно, приведут к снижению долгосрочного здоровья» (Wolke, Copeland, Angold и др., 2013).

Примером агрессивного поведения в социальных сетях может быть актуальный для настоящего времени феномен кибербуллинга как совокупности агрессивных действий в адрес конкретного человека с использованием современных технологий общения (интернет, телефон). L. Arseneault отмечает, что кибербуллинг включает в себя также и сексуальные домогательства посредством интернета (Arseneault, 2018).

Идея «обратимости» событий в интернете, вероятность их «откручивания назад» (а это могут быть и оскорбления) позволяют личности относиться к организации коммуникативного процесса менее ответственно, не переживая стыд, угрызения совести. Люди, родившиеся после 2003 года, воспринимают безопасность как ценность, и поэтому представители этого поколения могут сочетать в разных пропорциях онлайн-коммуникацию с коммуникацией офлайн. Для некоторых из них непосредственное общение выступает самостоятельной ценностью, хотя в реальной жизни им трудно заводить друзей, взаимодействовать с окружающими людьми: они предпочитают писать сообщения, а не звонить по телефону.

Особенности ценностно-смысловой сферы представителей цифрового поколения

Следует отметить, что у поколения Z происходит сужение круга интересов, а представления о работе, отдыхе и общении связаны исключительно с использованием технических средств, что вызывает беспокойство у их родителей и педагогов. В ситуациях, когда гаджеты не используются при живом общении с человеком, личность испытывает состояние замешательства, тревоги. В жизни целого поколения появился предмет, и, как пишет А. Гринфилд, он «...стал последним предметом, на который мы смотрим каждую ночь перед тем, как заснуть, и первым, за которым мы тянемся спростонья. Мы используем его, чтобы знакомиться с людьми, общаться, развлекаться и находить дорогу. С его помощью мы покупаем и продаем вещи. Мы полагаемся на то, что он зафиксирует места, в которых мы бываем, вещи, которые делаем, и людей, с которыми общаемся; мы рассчитываем на то, что он поможет нам убить время,

заполнить установки и паузы, которые некогда занимали такую большую часть нашей жизни» (Гринфилд, 2018, с. 19–20).

Результаты исследования В. А. Соколова, проведенного в 2020 году, показали, что больше всего представителей поколения Z (в исследовании приняли участие 134 студента Уральского федерального университета) привлекает удобство при использовании технических средств и поиске информации, а также возможность в любой момент быть на связи. Характерно, что 84,3% участников опроса испытывают высокий и средний уровень субъективной зависимости от телефона, а 85,8% не готовы отказаться от смартфона. Также эмпирически было подтверждено, что времяпрепровождение в социальных сетях не создает для представителей поколения Z прямых проблем в жизни, а также не влияет на способность распоряжаться своей судьбой (Соколов, 2020).

Одним из парадоксов цифровой социализации является феномен, не имеющий национальной окраски, — одиночество, состояние, которое не покидает человека даже в окружении родных и друзей. Цифровое общество порождает поколение людей, для которых одиночество является средством спасения от неиссякаемого потока информации. Ускоренный темп жизни не позволяет личности устанавливать глубокие межличностные отношения, наслаждаться непосредственным общением. В пиковые периоды одиночества личность склонна к поиску объектов для отвлечения внимания от своего состояния. Самый простой способ — социальные сети и мобильный телефон. Таким образом, общение в интернете помогает личности избавиться от ощущения одиночества, а при чрезмерном его использовании, уходе от проблем реальной жизни в виртуальный мир может вызвать сложности в управлении своей жизнью.

По теории Tamaki Saito (Saito & Angles, 2013), в обществе распространяется такая категория людей, как «хикикомори» (яп., букв. «нахождение в уединении»), или хикки, которые добровольно пребывают в уединении и отказываются выполнять ожидания общества, при этом проживая совместно со своими родителями или родственниками, с которыми они не хотят общаться (Kato, Kanba, Teo, 2018). При этом в восточных источниках указывается на «первичных хикикомори» — молодежь, у которой нет серьезных психопатологических диагнозов, и «вторичных хикикомори», к которым принадлежат лица, страдающие от множества тяжелых психических расстройств, включая аффективное, тревожное и обсессивно-компульсивное расстройства, а также расстройство личности (Suwa, Suzuki, 2013). Благодаря распространению информации в интернете мода на стиль жизни хикикомори начинает охватывать различных людей вне зависимости от страны проживания.

Особенности эмоционально-волевой и мотивационно-потребностной сферы представителей цифрового поколения

У представителей поколения Z при киберсоциализации в обществе происходят изменения в эмоционально-волевой и мотивационно-потребностной сферах, трансформация образа «Я» и отношения к себе, непонимание ценностно-смысловой сути своего жизненного пути. При

творческом создании своего публичного «Я» в цифровом пространстве подростки и молодежь ориентируются на идеальные характеристики личности, подчеркивающие индивидуальность автора этого образа. Виртуальный мир позволяет человеку легче выражать самого себя, создавать близкий к идеалу образ, что обусловлено ложным ощущением защищенности и анонимности, дефицит которой наблюдается в реальности. Однако следует отметить, что молодые люди также испытывают дискомфорт от нарушения психологических границ личного пространства, у них возникает тревожное ощущение, нарушается адекватная оценка себя и своих поступков в реальной жизни. Следствием этого является размывание социальных и гендерных ориентаций у представителей цифрового поколения.

Возможность стремительно быстрого обогащения и высоких заработков пропагандируется среди молодого поколения в социальных сетях и СМИ. И эта установка вполне может рассматриваться как альтернатива продуманному планомерному строительству своего будущего. Проведенное авторами пилотное исследование в ноябре 2020 года с помощью проективной методики рисуночных метафор И. Л. Соломина «Жизненный путь» (80 студентов первого курса очного отделения, обучающихся в Российском государственном профессионально-педагогическом университете по образовательным программам гуманитарного профиля) показало, что у первокурсников имеются трудности в определении своего будущего, в том числе профессионального, в разработке его альтернативных вариантов. Они абстрактно представляют свой дальнейший жизненный путь, в нем недостаточно конкретики, планируемых событий. В беседе, которая сопровождает реализацию данной методики, примерно у трети студентов-первокурсников выявлена неуверенность в правильности выбора образовательной программы, вуза. Профессиональное будущее кажется участникам исследования недостаточно привлекательным, что сопряжено с определенной тревогой, страхами и общей напряженностью. Неопределенность цели профессионального образования, противоречия в нравственно-смысловых ориентациях обусловлены прежде всего внутренними причинами — фрустрацией от взаимодействия с социальными медиа, стремлением преодолеть сложную ситуацию изоляции, вызванную коронакризисом.

Жизнь современной молодежи во многом определяет установка на получение удовольствия сегодня. Стремление к комфорту, наслаждению, ориентация на эгоистическое потребление определяют лицо нынешних подростков и студенческую молодежь. Развитию гедонистических установок среди подрастающего поколения способствует потребительская модель поведения, навязываемая в СМИ.

Особенности познавательной сферы представителей цифрового поколения

Еще одна особенность современных молодых людей — клиповое мышление (clipthinking), особенное восприятие мира, информации посредством образов, ярких красочных посылов. При этом поток

информации воспринимается фрагментарно, раздробленно: набор аудио-визуальных отрывков и их расстановка в определенной последовательности не позволяют личности проникнуть в причинно-следственные связи воспринимаемого явления, отрефлексировать увиденное, сделать логические выводы, создать целостную картину окружающего мира и критически ее оценить. Поток информации рассчитан исключительно на эмоциональное восприятие фрагментов предлагаемого контента. Дети настолько доверяют информации из интернета, что, с одной стороны, они порой излишне уверены в своих взглядах, а с другой — не замечают их противоречивость и алогичность. Индивид становится уязвимым для манипулятивного влияния извне. Достаточно вспомнить распространенные в совсем недавнем прошлом группы смерти («Разбуди меня в 4.20», f57, f58, «Киты плывут вверх», «Тихий дом», «Море китов», «50 дней до моего...» и т. д.), основатели которых так хорошо знали особенности когнитивного, эмоционального развития подростков и их потребности. Прекрасно ориентируясь в интернете, запоминая адреса, где хранится нужная им информация, они фрагментарно воспринимают ее содержание. У них растет скорость восприятия информации, однако они не могут достаточно долго удерживать внимание на одном предмете. И становится понятным, что при клиповом мышлении невозможно глубинное понимание текстов: выявлять их скрытые, неявные смыслы, понимать их ценность (эстетическую, художественную и пр.), воспринимать их согласно «жизненной целостности» (с учетом эпохи, культуры).

Среди факторов, породивших клиповое сознание, выделяется и такой, как увеличение количества дел, которыми человек занимается одновременно. Ученые, описывая представителей поколения, выросших в цифровой среде, отмечают многозадачность (Рассказова, 2012; Rosen, 2007) и «медиа многозадачность» (Martín-Perpiñá, Poch, Cerrato, 2019; Солдатова, Трифонова, 2018). Например, выполняя домашнее задание, подростки могут параллельно общаться с друзьями в мессенджерах, слушать любимую ритмичную музыку, выполнять работу по дому. Такое поведение, как правило, вызывает удивление у представителей других поколений. Для цифрового же поколения однозадачность — это монотонность, унылость и скука, а многозадачность — как раз норма, нечто само собой разумеющееся. Ученые подсчитали, что старшеклассники, сидя за компьютером, меняют деятельность и переходят от одного онлайн-ресурса к другому только за одну минуту три раза (Солдатова, Трифонова, 2018). Существуют также исследования, в которых констатируется, что для представителей поколения Z «платой за многозадачность становятся рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст» (Rosen, 2007, с. 104). Полагаем, что следствием многозадачности являются трудности запоминания информации, счета в уме, развития устной и письменной речи, недостаточность развития смыслового чтения, скудность словарного запаса. Постоянная активность в режиме многозадачности ведет к утомлению и истощению, а также к возникновению тревожных и депрессивных состояний.

Пока ученые не знают, как относиться к многозадачности. Одни обращают внимание на взаимосвязь медиа многозадачности с познавательными

функциями личности, такими как концентрация внимания, переключение внимания и объем памяти (May, Elder, 2018). Другие считают, что медианногозадачность подростков связана с недостатками когнитивного контроля и более высоким уровнем импульсивности, влияющими на исполнительные функции (Martín-Perpiñá, Poch, Cerrato, 2019). Однако при ряде отрицательных последствий многозадачности и медианногозадачности можно выделить и положительные моменты: личность получает большее эмоциональное удовлетворение от такой параллельной вовлеченности сразу в несколько видов разнообразной деятельности. Как надо поступать и действовать в современном сетевом мире, определяет поколение, которое можно назвать многозадачным (Солдатова, Трифонова, 2018).

Таким образом, феномен медианногозадачности может быть определен как: 1) одновременное использование нескольких мультимедиапотоков; 2) сочетание использования цифровых и традиционных источников информации; 3) сочетание использования офлайн-видов и виртуальных видов деятельности.

Безусловно, современные информационные технологии открывают миру незнакомые прежде возможности: новые способы усвоения знаний, поиск нужной информации, безопасный формат взаимодействия с людьми, что значительно упрощает жизнь человека и привлекает молодежь.

Заключение

Теоретический анализ феномена цифрового поколения позволяет сделать некоторые выводы и обозначить возможные перспективы исследования.

Социальная среда, в которой развивается человек, исторические процессы, культура, государственный строй задают определенную систему ценностей, детерминируют формирование структуры субъекта как представителя определенного времени, определенного поколения. Процессы глобализации и цифровизации, происходящие в наши дни, безусловно, влияют на формирование личности молодого поколения, трансформируют сознание старшего поколения. Цифровое информационное поле навязывает людям стиль жизни, несвойственный предшествовавшей индустриальной цивилизации. Можно констатировать, что бурное развитие цифровых технологий самым решительным образом влияет на современных детей, подростков и молодежь, которые в ситуации нового социального развития тратят свои человеческие ресурсы — время, работоспособность, активность, здоровье — на встраивание в иную реальность.

У представителей цифрового поколения есть своя специфика в самовосприятии, в коммуникативной, познавательной, эмоционально-волевой, мотивационно-потребностной сферах личности. Выявленные личностные и поведенческие характерные особенности современного поколения показали, что его представители находятся в состоянии отчуждения от реального социума, имеют трудности в коммуникации, испытывают субъективную зависимость от «цифры», которая несет риск

для их здоровья, сужает круг интересов, препятствует созданию глубоких межличностных отношений, порождает инфантилизм. Все это говорит о том, что «развивающемуся человеческому разуму нужна сбалансированная медиа-диета» (Гринфилд, 2018, с. 71).

В то же время современная молодежь имеет определенные преимущества перед старшими поколениями: обладает гибкостью мышления и мобильностью, умеет работать в условиях многозадачности и медиа-многозадачности, быстро воспринимает информацию, мгновенно переключается с одного дела на другое. Эти качества стоит соразмерно использовать в образовательных целях, применяя новые формы взаимодействия, развивая коммуникативные способности, навыки планирования и критического мышления. Как отмечают А. Valeriano Muñoz и J. Patiño Delgado: «Необходимо не только обучать студентов, которые отвечают потребностям общества, полностью погруженного в цифровую среду, но и развивать у них те навыки, которые позволяют грамотно развиваться в сложных ситуациях и искать решения различных проблем, с которыми сталкивается XXI век» (Valeriano Muñoz, Patiño Delgado, 2019, p. 22–23).

Разумное осмысление проблем современной молодежи, которая что-то приобрела, а что-то потеряла, несомненно, требует ответа на вопрос: так ли уж плохи сегодняшние молодые? Проблема недовольства подрастающим поколением волнует общество всегда и везде. Еще в дошедших до нас произведениях Гесиода, древнегреческого поэта (VIII–VII века до н. э.) мы встречаем пессимистическое отношение к своей современности и молодежи: «Я утратил всякие надежды относительно будущего страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления. Ибо эта молодежь невыносима, не выдержанна, просто ужасна»¹. А вот мнение Сократа (470–399 до н. э.): «Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и несколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие»². Ругая молодежь, мы не имеем в виду собственных детей.

Выявление психолого-педагогических характеристик представителей цифрового поколения важно для определения направлений профессиональной профилактической помощи, поддержки студентов при возникших у них трудностях самоопределения, а также для успешного взаимодействия с ними, поскольку прежние методы, формы и образовательные технологии работы во многом уже устарели и не дают запланированного результата.

Результаты анализа феномена цифрового поколения, выявленные его личностные и поведенческие характерные особенности помогут решить проблему налаживания коммуникаций между представителями разных возрастных и социальных групп, избежать столкновения «старого» и «нового» мировоззрения.

¹ Цитируется по: <https://olegmakarov.livejournal.com/869005.html>.

² Там же.

Список литературы

1. Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни* / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Дело, 2018.
2. Рассказова Е. И. Психологические последствия развития информационных технологий // *Национальный психологический журнал*. 2012. № 1 (7). С. 81–87.
3. Соколов В. А. *Исследование субъективного ощущения одиночества и психологической зависимости от интернета и социальных сетей у студентов: магистерская диссертация*. Екатеринбург: УрФУ. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86619/1/m_th_v.a.sokolov_2020.pdf
4. Солдатова Г. У. *Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция* // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции* / Под общ. ред. Р. В. Ершовой. Коломна: ГСГУ, 2018. С. 374–379.
5. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 5. С. 44–54.
6. Солдатова Г. У., Трифонова А. В. *Медиамногозадачность: стоит ли беспокоиться* // *Дети в информационном обществе*. 2018. № 28. С. 26–37.
7. Arseneault L. Annual research review: The persistent and pervasive impact of being bullied in childhood and adolescence: implications for policy and practice // *Journal of child psychology and psychiatry*. 2018. Vol. 59. № 4. P. 405–421. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12841>
8. Kato T. A., Kanba S., Teo A. R. Hikikomori: Experience in Japan and international relevance // *World psychiatry*. 2018. Vol. 17. № 1. P. 105–106. <https://doi.org/10.1002/wps.20497>
9. Martin-Perpina M. M., Poch F. V., Cerrato S. M. Media multitasking impact in homework, executive function and academic performance in spanish adolescents // *Psicothema*. 2019. Vol. 31. № 1. P. 81–87. <https://doi.org/10.7334/psicothema2018.178>
10. May K. E., Elder A. D. Efficient, helpful, or distracting? A literature review of media multitasking in relation to academic performance // *International journal of educational technology in higher education*. 2018. Vol. 15. № 1. P. 2–17. <https://doi.org/10.1186/s41239-018-0096-z>
11. Rosen L. Me, MySpace and I: Parenting the net generation. NY: Palgrave Macmillan, 2007.
12. Saito Tamaki, Angles, J. Hikikomori: Adolescence without end. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013.
13. Strauss W., Howe N. *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York: Quill, 1991.
14. Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of «Hikikomori» (Social withdrawal) and the socio-cultural situation in japan today // *Journal of psychopathology*. 2013. № 19. P. 191–198.
15. Valeriano Munoz A. M., Patino Delgado J. M. Desarrollo de las habilidades blandas en los estudiantes pertenecientes a la Generación Z.

Lima — Peru: Universidad San Ignacio de Loyola, 2019. http://repositorio.usil.edu.pe/bitstream/USIL/9752/1/2019_Valeriano-Mu%c3%b1oz.pdf

16. Wolke D., Copeland W. E., Angold A., Costello J. E. Impact of bullying in childhood on adult health, wealth, crime, and social outcomes // *Psychological Science*. 2013. № 24. P. 1958–1970. <https://doi.org/10.1177/0956797613481608>

17. Ybarra M. L., Espelage D. L., Valido A., Hong J. S., Prescott T. L. Perceptions of middle school youth about school bullying // *Journal of adolescence*. 2019. № 75. P. 175–187. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2018.10.008>

References

Arseneault, L. (2018). Annual research review: The persistent and pervasive impact of being bullied in childhood and adolescence: implications for policy and practice. *Journal of child psychology and psychiatry*, 59(4), 405–421. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12841>

Greenfield, P. M. (2018). *Radical technologies: device of daily life*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Kato, T. A., Kanba, S., & Teo, A. R. (2018). Hikikomori: Experience in Japan and international relevance. *World psychiatry*, 17(1), 105–106. <https://doi.org/10.1002/wps.20497>

Martin-Perpina, M. M., Poch, F. V., & Cerrato, S. M. (2019). Media multitasking impact in homework, executive function and academic performance in Spanish adolescents. *Psicothema*, 31(1), 81–87. <https://doi.org/10.7334/psicothema2018.178>

May, K. E., & Elder, A. D. (2018). Efficient, helpful, or distracting? A Literature review of media multitasking in relation to academic performance. *International journal of educational technology in higher education*, 15 (13), 2–17. <https://doi.org/10.1186/s41239-018-0096-z>

Rasskazova, E. I. Psychological consequences of the development of information technologies. (2012). *National psychological journal*, 1 (7), 81–87. (In Russ.).

Rosen L. *Me, MySpace and I: Parenting the net generation*. NY: Palgrave Macmillan, 2007.

Saito, T., & Angles, J. (2013). *Hikikomori: adolescence without end*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Sokolov, V. A. (2020). *Issledovanie sub'ektivnogo oschuscheniya odinochestva i psihologicheskoy zavisimosti ot interneta i sotsialnyih setey u studentov: masterskaya dissertatsiya* [Study of the subjective feeling of loneliness and psychological dependence on the internet and social networks among students]. (Master's dissertation, Ural Federal University, Yekaterinburg). https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86619/1/m_th_v.a.sokolov_2020.pdf (In Russ.)

Soldatova, G. U. (2018). Tsifrovaia kul'tura: pravila, otvetstvennost' i regulatsiia [Digital culture: rules, responsibility and regulation]. In *Tsifrovoe obschestvo kak kulturno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka* [Digital society as a cultural and historical context of human development] (pp.

374–379). Kolomna: GSGU.

- Soldatova, G. U., & Rasskazova, E. I. (2016). «Tsifrovoy razryv» i mezhpokolencheskie otnosheniya roditel'ey i detey [“Digital divide” and intergenerational relations between parents and children]. *Psikhologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 37(5), 44–54. (In Russ.)
- Soldatova, G. U., & Trifonova, A. V. (2018). Mediamnogozadachnost: stoit li bespokoitsya [Media multitasking: is it worth worrying]. *Deti v informatsionnom obshchestve [Children in the information society]*, 28, 26–37. (In Russ.)
- Strauss, W., & Howe, N. (1991). *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. NY: Quill.
- Suwa, M., & Suzuki K. (2013). The Phenomenon of “Hikikomori” (Social Withdrawal) and the Socio-cultural Situation in Japan Today. *Journal of Psychopathology*, 19, 191–198.
- Valeriano Muñoz, A. M., & Patiño Delgado, J. M. (2019). *Desarrollo de las habilidades blandas en los estudiantes pertenecientes a la Generación Z*. Lima — Peru: Universidad San Ignacio de Loyola. http://repositorio.usil.edu.pe/bitstream/USIL/9752/1/2019_Valeriano-Mu%c3%b1oz.pdf
- Wolke, D., Copeland, W. E., Angold, A., & Costello J. E. (2013). Impact of bullying in childhood on adult health, wealth, crime, and social outcomes. *Psychological Science*, 24, 1958–1970. <https://doi.org/10.1177/0956797613481608>
- Ybarra, M. L., Espelage, D. L., Valido, A., Hong, J. S., & Prescott, T. L. (2019). Perceptions of middle school youth about school bullying. *Journal of adolescence*, 75, 175–187. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2018.10.008>